Надия Шульга

Они поехали в Воронеж, вот. В Воронеж надо ехать через Киев, вот. Ну, и они там немного поменяли - и хлеба, и каких-то круп. И когда они возвращались назад - а в Киеве уже тогда была старая станция и новая, так что на новую станцию ты не мог зайти без билета, а билеты только утром продавались - они должны были [идти] мимо той старой [станции]; и это не только папа и мама, там сотни людей были. И когда уже проходили перед 9-тью часами - когда они могли идти те билеты покупать - милиция пришла. Поставили людей в ряды, всё отобрали. Только по буханке хлеба могли взять с собой. Всё отобрали, и никто не мог ни слова сказать, потому что убивали. Я только знаю, как мама и папа вернулись, как они плакали!

А то время, пока они приехали, умерли две мои сестры. Я знаю, что они умерли, но где они умерли - или они умерли в хате, или где-то на дороге - я не знаю. Не знаю где; я только знаю, что они умерли. Я знаю как папа умер, как его похоронили, но не знаю [где умерли сёстры]... Потому что папа умер уже весной. Он заболел воспалением лёгких и умер. Умерли они - моей мамы сестра, ёё муж и трое средних детей умерли. Соседи наши - вся семья вымерла. Только совы , вверх - потому что, знаете наши старенькие хаты? - только совы летали в тот верх, кричали. Другие соседи - у них было трое детей, так только одна девочка осталась - умерли с голоду.